

Выходя за порог, ничего с собой не бери.
Все, что надо, тебе дорога и так подарит.
Хорошо, что не близок путь от твоей двери
До лежащей за горизонтом заветной дали.

Шляпа, трубка, платок и трость — это хлам и лом,
Ни монет в кошельке на поясе, ни ключей нет.
Не оглядывайся, житель Домика-под-холмом,
Впереди тебя ждет великое Приключение.

В трех шагах от околицы каждый цветущий куст
Притворяется полутроллем-полудраконом.
Но уже на четвертом шагу ты войдешь во вкус
И поладишь с миром неведомым, законным.

Ничего невозможного нет и не будет, ведь
Ты не просто ловец удачи, ты — гвоздь сюжета.
Ах, мой юный любитель волшебных сказок, ответь,
Разве ты никогда-никогда не мечтал об этом?

Все как будто уже прописано, ты — герой,
На твоей стороне медведи, орлы и маги.
Не тебе ли обязан царством Король-под-горой?
Не в твою ли честь в дальнем городе плещут флаги?

...Домосед-романтик, ты выбрал путь, а теперь
Ты шагаешь навстречу битвам и непогодам.
И задернув уютные шторы, захлопнув дверь,
На трехстах листах я слежу за твоим походом.

— *Ренарт Фасхутдинов*

Константин Гуляев

Дорога в никуда

*Может, когда-нибудь
Найдется лучший путь,
И время не беда.
Ну а пока ты жив,
Перед тобой лежит
Дорога в никуда.*

— А. Крупнов

Перстень валялся в пыли.

Шикарный, золотой, с зеленым переливчатым камнем, несусветно умопомрачительный перстень валялся в дорожной пыли, словно обглоданная косточка. Тычок принялся протирать глаза — перстень не исчезал. Настоящий золотой перстень! О Творец, неужели ты вспомнил обо мне?!

Сверкая глазами, все еще не смея поверить в свое счастье, Тычок криво, неловко осел на землю и дотронулся до драгоценной находки самым кончиком дрожащей руки. Найдка не исчезла, была твердой, настоящей и все такой же бесподобной. О, Творец...

Гылькнув кадыком, Тычок поднял перстень, медленно осмотрел со всех сторон — зелень камня ветвилась темными прожилками, а сам камень был словно вплавлен в золото — и поднес к среднему пальцу. Надел. Снова глянул и зажмурился — голова шла кругом: в пору пришлась находка, как прям на него и отливали! Впрочем, небеса не разверзлись, земля не треснула

— все так же дул прохладный ветерок, да равнодушно шелестели чахлые деревца вдоль имперского тракта. Плевать им было на перстень, на прохожего бродягу и на его полуобморочное состояние.

Любуясь своей облагороженной пятерней, Тычок меж тем лихорадочно прикидывал, куда девать находку. Последняя одежда, давным-давно раздобытая им незнамо где, карманов не имела. На пальце носить эдакую погибель? Перстень вдруг полыхнул зеленым и обратился свернутой вокруг пальца полуржавой проволокой с затейливым узелком посередине. Тычок вскрикнул подранком и вытаращил глаза. Первым его желанием было сорвать издевательскую проволочину да зашвырнуть подальше, но, придя в себя, он не стал ничего срывать. Издевательством тут и не пахло: перстень явно магический и, похоже, куда умнее своего нового хозяина. Возможно, перед скупщиком он снова озолотится — Тычок надеялся на это всеми силами души, изрядно оскудевшими за годы бродяжничества. Отдышавшись и успокоив взбеленившееся сердце, он продолжил свой путь, пыля по тракту босыми ногами, бестолково поглядывая по сторонам да размышляя над превратностями судьбы. Вот они-то как раз и являлись форменным и изощренным издевательством.

Дороги, как водится, имели направления. Лишь путь истинного бродяги вел в никуда — Тычок брел по бесконечным имперским трактам куда глаза глядят и познавал мир. Познавал и исследовал: саму дорогу, капризы погоды, мнения людей, встреченных на пути, — словом, весь несовершенный, неудобный для пребывания мир, родившийся по странной, изощренной прихоти Творца. Вопрос завтрашнего дня всегда был не «куда», а «почему», а также «как бы мне пережить эту ночь» и «чего б пожать». Направление пути исследователя не интересовало.

Тычок планировал выйти к ближайшему поселению до заката, но солнце все ниже склонялось к холмам, и бродяга все тоскливее вглядывался вдаль: а ну как рвануть напрямки? Только знать бы, в какую сторону. Он совершенно не помнил этих мест: Трастмор должен стоять где-то к северу, а шумный Коллвинд

— к западу, но сами города его не интересовали. Соваться в крупные поселения резону нет: стража люгует в последнее время, бродяг плетью охаживает. Вот на близлежащих хуторах он чувствовал бы себя вольготно — но где они, ближайшие, понятия не имел. В давешнем трактире, где его до нитки обчистили в карты местные пройдохи, баяли, будто слева от тракта народ селится охотнее, леса там побогаче. Но налево сплошь тянулись унылые холмы, заросшие густым кустарником. Свернуть? Разве что к шакалам да кикиморам на обед. Где там леса, где хутора? Совсем разума лишились убогие, брешут напропалую, шавки подзаборные. А может, и правильно, что брешут, — бродяг приبلудных им не надобно. Справа от тракта вдали темнел лес. С голодными медведями да лешими, буреломами и непролазными чащами. Опять на сырой земле ночевать, от каждого шороха вздрагивать. Ну ничего, перстень продам — куплю сараюшку, а то и дом с садом. А что я в этом доме делать буду?.. А ночевать я там буду! В покое да сытости.

Тычок опасливо покосился на невзрачную проволочину и поежился. Дом с садом. А ну как проволочина таковой и останется? Спустит рассвирепевший скупщик своих волкодавов, вот будут мне тогда и дом, и сытые ночевки — на тихом и заброшенном кладбище, а скорее просто под забором. Соб-бачья жизнь.

Кулаки его непроизвольно сжались, и тут мир померк. Замерший Тычок растерянно захлопал глазами, но глаза видели совершенно не то, что маячило перед ними мгновение назад. В чуть зеленоватом, исполосованном светлыми прожилками мареве с бешеной скоростью затанцевали видения. Он увидел себя со спины, сходящего с дороги налево и лезущего, чертыхаясь, через кустарниковый частокол. Из-под ног вспархивают заполошные птицы, осока шкрябает голые пятки. За кустами, за болотистой низинкой, за речкой вскоре проглядывают утлые, скособоченные крыши. И тут же он, на той же дороге, сворачивающий направо, — чешет по траве к лесу. Отмахиваясь от комарья, входит в чащу, бродит, спотыкаясь о корни, лезет на дерево и видит лишь бесконечные макушки сосен.

Мир прояснился, видения исчезли. Ошарашенный, Тычок бессильно уселся в пыль. В голове было пусто-пусто. Криво покосившись на проволочину, он оскалится. Скупщик? Не-ет... Ему сейчас не скупщик нужен, а игорный стол. Опасливо, будто у него переломаны пальцы, Тычок снова сжал кулаки. Зеленое марево. Хутор. Нет, не хутор — большая деревня. Трактир, игорный стол. Игра. Выигрыш. Еще выигрыш. Совсем выигрыш. Тумаки, побег. И та же деревня, но не трактир, а постоялый двор. Сердобольный хозяин кормит тощих окрестных бродяжек, сытость, сеновал, сон.

Марево исчезло, хотя Тычок все так же сидел, не разжимая стиснутых, побелевших пальцев. К горлу подкатил ком, в носу запершило. О Творец! Помилосердствуй, сохрани скудный разум. Уйми жадность мою, наставь...

Ему припомнились древние легенды и глупые рассказы таких же залетных прощелыг. Мол, давным-давно в мире царила магия, и великие чудотворцы повелевали природными стихиями, запретными учениями да судьбами простых смертных. Древние маги давно сгинули, а вот их чудодейственные предметы, личные вещи до сих пор бродят по миру. Да... перстенок-то непростой, не только проволокой оборачиваться умеет.

Интересно, а что он ставил на кон? Вернее, будет ставить? Опять себя, наверное, на час рабства — обычная ставка. А они чего ставили? А у них, небось, что-то дельное имеется. А еще кулаки, пудовые и ощутимо костлявые. И куда идти, в трактир или на постоялый двор?

В деревню. А там разберемся. Теперь-то уж точно разберемся.

Утром он сладко потягивался на крахмальной простыне. Слева от кровати стоял низенький столик, а на нем — початая бутылка. Справа, частично под одеялом, похрапывала дородная девка-огонь. Огонь к утру иссяк и улетучился, теперь девка была просто девкой, сонной и ручной, хотя и несколько громогласной. Храп вступал в совершеннейший противотык с умиротворяющей утренней негой. Впрочем, какое утро? Солнце того и гляди в зенит уткнется. И немудрено — во она его укатала,

до сих пор все болит. Тычок, капризно сморщившись, шлепнул девку по аппетитному заду. Храп на полувздохе оборвался, на Тычка уставились злые сонные глаза. Затем злость в них бесследно испарилась, мелькнуло лукавство, и девка плотоядно облизнула. Тычок изменился в лице.

— Не-не-не-не-не, милая. Домой пора. Домо-о-ой.

Пухлый ротик обиженно надулся, девка разочарованно вздохнула, тряхнула тяжелыми рыжими кудрями и выскользнула из-под одеяла. Тычок на нее не смотрел. Ненасытная прорва, во его угораздило-то... они тут все такие? Или на игривую фурию так повлиял звон монет? Да нет, о деньгах она и не заикалась... Скользя взглядом по откровенно издевающейся соблазнительнице, Тычок шумно сглотнул и крепко зажмурился. Скорей бы она ушла. Странная девка, непонятная. Жадность ее ночная была чуть ли не со слезами отчаянья, а сейчас веселье кажется. Только что-то не верится в ее веселье... Нет. Скромненьких нужно выбирать, скромных и худых. Ну что же, первый блин всегда комом, вперед будем умнее.

На лицо его упали тяжелые пряди. Тычок вздрогнул.

— Зови еще, милый, — продышали ему в самое ухо. — До скорого.

Тычок ощутил, как его чмокнули в щеку, послышалось удаляющееся шуршание юбок, затем открылась и закрылась дверь. Стало тихо.

Приоткрыв один глаз, Тычок убедился, что комната пуста. Он облегченно выдохнул и с торжественной неторопливостью поднял правую руку. На среднем пальце тускло мерцало серебряное кольцо с серебряным же выпуклым изгибом. Тонкое и на первый взгляд невзрачное, но такое кольцо вполне определенно потянет на недельную обжираловку в харчевне, буде у него достанет ума им расплатиться. Однако Тычок прекрасно понимал, что он скорее отдаст весь свой вчерашний выигрыш и еще десять раз по столько за миску похлебки, чем расстанется со своей серебряной драгоценностью. Несложно выигрывать, когда наперед знаешь весь расклад, а без перстня ему за игорным столом

делать нечего. Да и вообще: без перстня и жить незачем, вчера он это понял со всей ясностью. А сейчас — завтрак, милорд. Не изволите ли откушать? Еще как изволю.

И он нехотя, с сытым кряхтением покинул кровать, беседуя сам с собой разными изысканными словесами. Пора привыкать, сударь мой, вот тут не навернитесь...

За завтраком он размышлял о будущем. Так ли нужен ему дом с садом? Действительно, что он там делать будет? Спать? А днем? Землю пахать? Овец пасти? Что он вообще умеет? Бегать он умеет, вернее убегать. Приворовывать, бродить, играть. Нет, играть не умеет, теперь в этом можно признаться со всей... трезвостью. А еще что? Да ладно, что умеет — хочет-то он чего?

И Тычок растерялся. Всю жизнь он умел только хотеть пожрать. И разве что... нет, об этом не будем... пожрать. Зачастую лишь пожрать было его единственным и самым жгучим желанием. А о чем еще мечтают люди? Ради чего живут? Он покосился на хозяина постоянного двора, копавшегося в необъятном шкафу. Детей накормить. Так... Жениться, стало быть. Нет. Жениться ему пока не хотелось. Что еще? Путешествовать? Его едва не разобрал смех: нет уж, еще не хватало. А что же? Надо у народа поспросить.

И Тычок решил отправиться на рынок. Но прежде пересчитал остатки наличности и понял, что нужно снова идти играть. А так как играть с ним скоро никто не будет, нужно найти перстню другое применение. Сразу напрашивалось: предсказания. Причем его предсказания будут первосортными, настоящими. Или можно пойти... стоп... кстати... а где настоящий хозяин перстня? Это ведь не просто побрякушка, хозяин наверняка носом землю роет в поисках нового удачливого пройдохи... то есть его еще могут искать по окрестным селам. И как тут начинать новую жизнь? Как вести поиски предназначения? Нужно перебраться в другой город, вот что. И на рынок он не пойдет, целее будет. А про бывшего хозяина, может, перстенок поведает?

Знакомый зеленый туман. Он там же, где и в первый раз, только идет дальше по тракту, никуда не сворачивая. Недолго

идет — под ногами попадают темные пятна. Кровь никак? Хи-жина. А, лавка какая-то. И за ней еще крыши — ха, вот он, хутор! Однако веселье вмиг исчезло, когда взгляд упал на крыльцо лавки: на нем лежало скрюченное тело, потянувшееся рукой к двери да так и застывшее. Одежды богатые, сапоги замшевые... понятно. И печально. Бывший хозяин его искать точно не будет. Уф, хорошо, что он свернул с тракта. А может, и зря — сапоги знатные, эх...

В некоем послевкусии печальных раздумий Тычок расплатился с хозяином постоянного двора, отдав почти все деньги. Расспросил, куда отсюда люди попасть могут, поблагодарил и степенно вышел, озадаченно скребя в затылке. Поди разберись, куда пойти. Две дороги, и обе вдоль тракта, вперед и назад. Ну-ка...

Привычное марево. Он удаляется по дороге — по какой, прах побери?! По одной из дорог. Перепрыгивает наезженные телегами колеи, посматривает по сторонам. Поворот. Еще. Еще. Много поворотов, косогоры, буераки. Солнце да мошкара. На горизонте начинают проступать шпили большого города. И он же, удаляющийся по другой дороге. Те же разъезженные колеи, поворот... и его бывшие друзья с приснопамятными тумачами вылетают из близлежащего лесочка. Бум, бум — все как обычно.

Тычок выдохнул, невесть с чего потер скулу и задумался. Бесподобный расклад: поди туда — придешь в город, поди сюда — переломают кости. Или наоборот: там переломают, а здесь еще подумают... По какой идти?! И где они вообще, дороги — в какой стороне? Беда с этой магической пакостью.

Он еще раз сжал кулак — недавно выяснилось, что второй сжимать необязательно, — и понял: на первую дорогу нужно идти почти на солнце, через поля, мимо кузни. Определившись с направлением, Тычок заодно решил зайти к кузнецу. Кузня вскоре и правда завиднелась перед самыми полями. Кузнец, черный, как демон, степенно мылся у бочки, с жесткой кучерявой бороды капало, волосы блестели. Тычок торопливо повспоминал опять благородные слова, подошел поближе и набрал воздуха побольше:

— О достойный кузнец, да не иссякнет жара... жар в твоих горнах, — пропел он, бочком подбираясь поближе к мокрому страшному демону и готовясь задать стрекача в любой момент. Подходить было ой как страшно. Еще пару дней назад он и на стрелище к такому не приблизился бы, но сегодня утром Тычок начал новую жизнь, и общение с кузнецом составляло ее неотъемлемую часть. Манеру же общения он предпочел выбрать ту, какую наблюдал у купцов на рынке. Уж чего-чего, а ласковостей их — друг к другу — он наслушался целую прорву.

Кузнец мрачно воззрился на тощее вертлявое недоразумение с серебряным перстнем на пальце. Подумал, крикнул.

— И тебе легкой дороги, путник, — подозрительно пробашил он, — какого... эмм... чего надоть?

— Меня беспокоит один вопрос, славный муж мой. Для чего живут люди? Вот вы, например. — Тычок проникновенно заглянул демону в глаза и, не выдержав ничтожной дистанции, на всякий случай отошел подальше.

Кузнец крикнул еще раз, чуть более угрожающе. А потом еще. Молчание затягивалось, и это кузнецу нравилось все меньше, что отчетливо читалось на его лице. От Тычка не укрылось, что демон, мало-помалу зверея, засопел носом, а руки его, упершиеся в бока, ненароком сжались в пудовые кулачищи.

— А шел бы ты... добрый путник, своей дорогой, — сформулировал наконец кузнец.

Тычок радостно закивал и так же бочком, непрерывно кланяясь и косясь назад, посеменил от греха подальше. Что же, не всегда получается с первого раза, но главное ведь начать, а там и пристроим наши умения должным образом.

Деревню он покинул без приключений, видимо основной торговый люд валом шел в Трастмор, да и обчищенные болваны ждали его там же. Стало быть, хвала Творцу и перстню, он пойдет по менее людной дороге. Тычок справедливо полагал, что оно и к лучшему.

Итак, его ждал Коллвинд, а по пути туда еще нужно разжиться монетами. Ведь это не составит труда — лишь бы нашлись

жадные, плохо бегающие, азартные жертвы. Да, пока придется добывать деньги не очень честно, но ведь они пойдут на благое дело. Да, он еще не решил на какое, но ведь он начал новую жизнь, встал на путь созидания. Неужели он не заслужил малого прибытка за свои потуги? Вперед, благородный сударь мой, нас ждут великие дела.

Однако совесть, в кои-то веки проснувшись в обновленном сознании, то и дело язвила сомнением, мол, ты, сударь мой, как был пройдохой, так им и остался. Приходилось ее урезонивать и увещевать: сие ненадолго, не сразу Коллвинд строился. Первые блины всегда комом. Вот дай срок, доберусь до города, а там... Но совесть, как ей и свойственно, не верила в его посулы ни на йоту.

Перед самым городом, когда ныряющая со взгорка на взгорок дорога давно уже слилась с имперским трактом, потянулись по обеим сторонам пашни, харчевни и многочисленные жилые дома, на небольшом взгорке Тычок заметил длинноволосого тощего парня с лютней. Менестрель, голь перекатная, такой же бродяга, как и он сам. Правда, видом и одежкой побогаче и в штиблетах с загнутыми носами. Жует чего-то... подойти? Этот точно драться не будет, а может, и присоветует чего дельного.

Свернув с дороги к лютнисту, Тычок по неискоренимой привычке следил за лицом нового собеседника. Приветливость царила на том лучезарном лице, приветливость и благолепие. Вот с такими людьми общаться гораздо приятнее, не правда ли, сударь? Дык несомненно. Однако вслух первым заговорил менестрель:

— А вот и компания, вольный путь да пыль тревог.

— Сырость утр да вечный гнус, — подумав секунду, поддакнул Тычок. Пес его знает, откуда в нем взялась эдакая поэтичность. Перстень, небось, подъял над обыденностью. — Да не оскудеют твои струн... эм-м... песни.

— Клянусь арфой Прекраснейшей! — изумился менестрель. — Вот уж не ожидал такого полета! Не иначе сама судьба одарила меня изысканным собеседником!

Надо было что-то ответить, но у Тычка как-то выветрились нужные слова, и он лишь скромно кивнул, присаживаясь неподалеку.

— Притомились мои ноженьки, — вздохнул он. — Эк ведь пакость какая...

Лютнист сочувственно покивал и устремил беспечный взор в небеса.

— Меня зовут Аллонель, — поведал он. — С кем имею счастье встречи?

— Э... — замялся Тычок. — Аллотык. К твоим услугам.

Ведь если начинаешь новую жизнь, почему бы не начать с достойного имени, как у большинства нормальных людей? Свое имя — если оно было именем, а не ехидной кличкой времен полубеспамятного невольничьего детства — Тычку никогда не нравилось: не он его выбирал, да и вовек бы не слышал. Аллотык, впрочем, ему тоже не особо понравился.

— Почти тезки, — с улыбкой пропел Аллонель. Он потянулся за лютней, пристроил ее на колене и тихо заиграл легкий, ненавязчивый мотивчик. — Я вижу, тебя что-то тяготит, друг мой. Поведай свою печаль.

— О... — подивился новоявленный Аллотык. — Ты прав, э... мудрый Аллонель. Я долгое время бьюсь над неразрешимым вопросом.

Менестрель обнадеживающе кивнул.

— Меня вдруг заинтересовало, для чего живут люди? Ты не знаешь?

— Ну-у... — лютнист снова принялся разглядывать облака, — разве ж он неразрешимый? Тут нет секрета. Любой мужчина живет ради того, чтобы найти женщину и сделать ее счастливой.

— Ух ты! — восхитился Аллотык и тут же припомнил давешнюю рыжую бестию. — А если я уже... того... оосчастливил? Аллонель взглянул на собеседника повнимательней.

— Если ты уже преуспел, друг мой, то о тебе скоро начнут слагать песни. Как ее зовут?

— Э... кого?

— Даму твоего сердца. Какие у нее глаза, с чем ты сравнил бы ее голос?

— Кхе... — У настоящего мужчины вдруг запершило в горле. — Эм-м... ее имя?..

Врать не хотелось. Новая жизнь как-никак. Проклятье, почему он не спросил ее имя? Она-то сразу поинтересовалась. О Творец, и этот, главный в его жизни блин вышел комом. Какой теперь смысл темнить?

— Я не спросил ее имя, — сокрушенно вздохнул он. — Да и не собирался. Видно, она меня делала счастливым, а не я ее.

Мелодия вдруг неуловимо изменилась. Теперь лютня звучала с легкой грустью.

— От верного слова и сердце прозрело, — задумчиво пропел менестрель. — Светлый ты человек, Аллотык.

Тычок будто лимон раскусил. Сморщился, голову скривил:

— Не Аллотык, — буркнул он. — Тычок меня зовут.

— Доброе имя, — кивнул Аллонель. — И добрые мысли. А чем ты занимаешься помимо того, что бродишь по белу свету?

— Предсказаниями.

Лютня смолкла. Аллонель смотрел на Тычка с некой укоризной и разочарованием.

— И что, сбываются?

— Мои всегда сбываются.

Менестрель иронично хмыкнул:

— Я готов поставить свою лютню, что человеку — если он не колдун — не дано знать грядущего.

— Я не колдун, но грядущее вижу, — виновато вздохнул Тычок, а затем вдруг лукаво прищурился. — Побереги свою лютню. Можешь поставить штиблеты, коли не жалко.

Он сжал кулак и с ехидной миной подпер им щеку. Аллонель испытующе взглянул на тускло блеснувший, выставленный на всеобщее обозрение тонкий перстень.

— И поставлю, пожалуй. Предскажи грядущее.

Тычок изменился в лице. Ему стало стыдно.

— Не надо, я пошутил.

— Ты не умеешь предсказывать?

— Умею.

— Так предскажи. Я хочу увидеть невозможное.

Тычок сокрушенно вздохнул. О Творец, очередной блин грядущего снова комкался непотребством, осталось лишь слово сказать. Почему у него все всегда получается наперекосяк?

— С вон той сосны, — мотнул он головой, — сейчас сбежит белка, схватит шишку и залезет обратно.

Менестрель молчал. Та сосна росла за спиной предсказателя, и он никак не мог видеть шустрого зверька, который и правда изредка мелькал среди ветвей. Белка как по команде перепрыгнула на нужную сосну, метнулась на землю, замерла на мгновение, цапнула шишку и снова шмыгнула наверх. Собеседник-предсказатель все так же сидел, понуро глядя в пустоту, — белку свою он и взглядом не удостоил. Аллонель криво усмехнулся и принялся стаскивать обувь. Тычок болезненно скривился:

— Не надо.

— Надо, — строго заверил Аллонель. — Грех сбивать ноги тому, кто обладает великим даром. Употреби его на благо. Башмаки я и новые куплю, добрые люди охотно делятся деньгами за мои песни.

Прощались тепло. Аллонель шел из города, Тычок сему весьма опечалился: вот хорошо бы побродить по дорогам в компании с мудрым менестрелем. Но здесь пути их расходились, и растерянный обладатель удобных штиблет направился в город один. В обувке, однако в дрянном расположении духа.

Город встретил его толкотней, гомоном и бдительными стражниками. Стегать и выпроваживать за ворота его никто не спешил: все меньше Тычок походил на бродягу. Стражников смущал взгляд странного проходимца — ушлые, подозрительные лиходеи смотрят по-иному. Во взгляде же этого бродяги витала целеустремленная мысль — любой видел, что человек идет по делу, причем наиважнейшему. Зачем такого выпроваживать? Авось пользу городу принесет, пусть себе проходит, куда надобно.

Тычку такое отношение было внове: вот что значит обутий человек — везде ему и почет, и уважение.

Размышляя, куда бы направиться, Тычок брел по центральной улице. Его заинтересовали вывески. Буквы оставались теми же неведомыми закорючками, но картинки говорили сами за себя. Вскоре он ожидаемо увидел игорный дом. Победно улыбувшись, Тычок последовал мимо. Оставим легкую добычу на случай крайней нужды, а пока поищем чего-нибудь позаковыристей.

Позаковыристей обнаружилось буквально тут же. Следующая вывеска гласила, судя по тисненой картинке, о чудодейственных предсказаниях. Вот оно.

Когда он поднимался на высокое крыльцо, в животе заворочался липкий страх. То, что он мог тут учинить, вызвало веские опасения. Но новая жизнь диктовала и новые поступки, а страх нередко являлся их существенной частью. Что же, когда-нибудь надо начинать.

В приемной чинно сидели две женщины почтенного возраста, одна молодая, расположившаяся наособицу и одетая поопрятнее прочих, да крепкий бородатый детинушка с постным лицом. Обе матроны тихо переговаривались с детинушкой и промеж собой, но тут замолчали и настороженно принялись разглядывать нового визитера. Тычок поздоровался.

— За мной будешь, — сообщил детинушка.

Настороженность спала, разговор возобновился, и Тычок вскоре узнал, кто зачем пожаловал. Будто в нервном волнении то и дело сжимая кулаки, Тычок проведал, что было и будет происходить с каждым просителем. После чего крепко задумался, сердце заколотилось и вовсе немилосердно: всех их облапошат, кроме разве что одной матроны, решение по ее вопросу предсказательница угадает, видно, случайно. Он откашлялся.

— Прошу прощения, добрые люди. Ведаю я, что напрасно вы сюда пришли. Тебе, добрый дровосек, скажут, что ты должен откупиться от сестры мельника. Но в действительности она тебя обманывает: никакого ребенка у нее нет, и вершит она всю

свою затею оттого, что вы живете лучше их. Долго она твоего сына блазила, только после плевалась. Тебе, матушка, скажут, что сына твоего продали в рабство да увезли за море, а в действительности он живет в Вешках у молодой вдовы, третий дом направо. Живет хорошо, а возвращаться ему попросту стыдно. Вам, сударыня...

В этот момент внутренняя, богато отделанная дверь раскрылась, и проем заслонила фигура здорового мужика. Детишка, добрый дровосек, ему и до плеча не достал бы, случись им встать рядом. Мужик, сильно смахивающий на местного вышибалу, недобро оглядел сидящих и остановил убийственный взгляд на Тычке. Шагнул, сгреб за ворот, хорошенько пристукнул о стенку и потащил было обратно, откуда вышел. Но все страждущие вскочили с мест и отчаянно стали молотить мужика куда ни попадя. Только молодая выскочила за дверь на улицу, остальные знай охаживали здоровяка кто во что горазд. Бабы, правда, больше выли, зато дровосек сумел вырвать обмякшего Тычка из рук ошеломленного вышибалы. Тот, отмахиваясь от бабьих рук, тянущихся к его глазам, сперва опешил, но вскоре пришел в себя, расшвырял тех, кто послабже, и всерьез сцепился с лесорубом. Тут входная дверь распахнулась, и в приемную шагнул стражник. Из-за его спины испуганно выглядывала молодая посетительница.

— Прекратить! — рявкнул стражник.

Повисла пауза. Дровосек вырвался наконец из губельного захвата и хмуро, хоть и осторожно, утер рукавом расквашенный нос. Обе матроны принялись поправлять съехавшие платки и возмущаться куда тише. Вышибала только досадливо щерился.

Молодая кинулась к беспамятному Тычку, стоявшему на коленях и вяло перекатывающему головой. Ахнув, она выудила будто из ниоткуда белоснежную тряпку и прижала к Тычкову затылку. Отняла, увидела красное пятно, невнятно запричитала и прижала пуще прежнего. Тычок то ли застонал, то ли протестующе замычал.

Внутренняя дверь снова открылась. Из недр дома вынырнул потный, суетливый толстячок, а за ним проем заслонила темная фигура в дорогих ниспадающих одеждах. Торжественно кивнув прошмыгнувшему к выходу толстячку, фигура устремилась покровительственный взор на стражника. Послышался надменный женский голос:

— Благодарю вас за вмешательство, сударь. Теперь это наше внутреннее дело.

Стражник было замялся, уловив правоту в речах темной фигуры, но молодая дерзко вскинула голову:

— Как бы не так! Я думаю, что они мошенники, сударь. И этот посетитель — с разбитой головой! — может подтвердить сей прискорбный факт.

— В самом деле, леди Айна? — В голосе фигуры сквозь надменность проступила доля иронии. — А я полагаю, что мошенник — он. И как же нам быть?

Стражник перевел настороженный взгляд с темной фигуры на Айну и уперся наконец в Тычка. В глазах промелькнула понимание.

— В таком случае, полагаю, мне придется забрать его в участок до выяснения всех обстоятельств дела, — произнес он с ледяной учтивостью.

Леди Айна тут же гневно обернулась:

— Он не подозреваемый, а пострадавший! — отчеканила она. — Ему разбил голову вон тот дуболом. Молодой человек нуждается в должном уходе, и, с вашего позволения, я забираю его в наш пансион. А кстати... — Она обернулась к темной фигуре. — Как вы узнали, что тут произошло? Вы подслушиваете разговоры в приемной?!

Ответ прозвучал не сразу, зато с изрядной долей яда:

— Я предсказательница, дитя. Я знаю все, что происходит, — и не только в приемной.

Тычок вдруг зашевелился и с тихим кряхтением медленно обхватил обими руками голову. Темная фигура в проеме тихо ахнула. Подавшись вперед, она стянула с головы капюшон, ока-

завшись женщиной незаурядной красоты с цепким, хищным взглядом. Рука ее будто в полусне напряженно коснулась виска, съехала по щеке да там и застыла.

— Тако, ты можешь идти, — отрешенно проговорила она, глядя в Тычка все пристальнее.

Вышибала обозначил поклон и скрылся за дверью.

— Как это понимать? — угрожающе осведомился стражник.

— Перестаньте. Вы ведь не собираетесь упечь за решетку моего слугу из-за глупого синяка? Тако выполнил свою работу, и вы напрасно ищите здесь преступление. Если оборванцу, распустившему язык, требуется уход, так леди Айна может его забрать к себе, я не против. Благо по городу давно ходят небылицы о ее чудо-лекарях — безнадежных на ноги поднимают, что им какая-то шишка на лбу?.. Что же касается обвинений в мой адрес, то я отвечу и на них. В суде. Если, — ледяная улыбка скользнула по губам хозяйки, — леди Айна будет на таком настаивать.

Девушка кинула сочувственный взгляд на лесоруба с нахохлившимися матронами и закусила губу. Ей вдруг пришло в голову, что обвинение выдвинуто за то, что только будет сказано, а в суд на такое не подают.

— Если к молодому человеку нет претензий — чему я, признаться, сильно удивлена — то и у меня их нет. Благодарю вас, что прекратили безобразное избиение.

Стражник озадаченно смотрел то на хозяйку, то на леди Айну. Что-то ускользало от его взгляда, и он не мог понять, что именно. Претензии и обвинения — нешуточные обвинения — вдруг испарились, и делать ему здесь оказалось решительно нечего. Проходимцу разбили голову? Допустим, бывает. Знатную особу заподозрили в мошенничестве? Нет, претензий у обеих дам как не бывало. Свидетели? Молчат и только угрюмо перетаптываются. Дешевый фарс. Что-то он упустил... ладно, разберемся. С пристрастием разберемся, глаз сводить не будем ни с этого заведения, ни с пансиона. Дамы из него решили сделать дурака? Ну-ну.

— Честь имею. — С тем стражник оскорбленно развернулся к двери.

— Подождите! — умоляюще воскликнула леди Айна. — Помогите, пожалуйста...

Пересилив оскорбленную гордость, стражник шагнул к нескладно сидящему Тычку и без особого труда поднял того на ноги. Хозяйка взирала на это, недобро сузив глаза. Впрочем, препятствий не чинила. Дождавшись их ухода, а также демонстративного, но вместе с тем суетливого ухода остальных участников событий, она позвала Тако. Тот явился и снова будто нехотя обозначил поклон.

— Слушай внимательно, сын степей, — процедила хозяйка, все так же убийственно смотря на закрытую входную дверь. — У бродяги есть серебряное кольцо. Если ты принесешь его мне, твой народ будет прощен. Ты понял?

Тако встретил пронизывающий взор хозяйки очередным поклоном, чуть более почтительным, нежели обычно, и направился к двери.

«Я не слишком огорчусь, если все, кто был здесь недавно, ненароком сгинут», — услышал он у самой двери. Помедлив мгновение, он снова чуть склонил голову и вышел.

Тычок плохо помнил, как очутился здесь, в чисто прибранной белой комнатенке. Сначала его вели, потом везли, а под конец даже несли. Пакостная муть, тошнота и боль — вот что его заботило всю дорогу. В телеге или в чем-то вроде того, на куче душистого сена его сморило, а потом, в полусне, вышел неприятный конфуз: сено он несколько попортил, не успев свеситься за борт. Возница тогда принялся было причитать да охать, но молодой женский голос быстро прикрикнул на ворчавшего мужика. Леди, видать, прикрикнула — больше некому. Как ее зовут-то?.. Вылетело из головы. Ай да леди... если б не она, пристукнул бы его тот амбал, как пить дать пристукнул... да, впрочем, и так пристукнул. Но хоть живой... а если бы не она, был бы не живой. Пристукнули бы... ох.

Мысли шевелились вяло и все в одну сторону. Чудом ноги унес, а мог бы и не унести. Не, хватит с него подвигов: как оклемаюсь — в игорный дом да к молодке под бочок, счастливить...

но не к этой. Она ему, почитай, жизнь спасла, с ней как-то... под бочок не ложилось. Вот ее он точно хотел осчастливить, только не знал как.

Странно, что та хозяйка на него наплевала. Он ей дело испортил, народ смутил, на чисту воду вывел — а ей все трын-трава. Не затеяла бы чего... подлого. Очень не хотелось сжимать кулак, но Тычок сжал. И не зря: за домом следила какая-то темная фигура — то ли сама хозяйка, то ли ее костолом. Понятно. Мстить пришли. После видения перед глазами заплясали круги, будто на солнце поглядел. Тычок охватил руками разъезжающуюся в разные стороны голову, снова замутило. Он глубоко подышал и закрыл глаза.

Череп трещал невыносимо. Раскрылась дверь, вошла спасительница с подносом, а с ней седенький дядька. Дядька оказался лекарем: осмотрел Тычка со всех сторон, зашил голову, забинтовал, прописал пиявок, мед на ночь да ушел. Молодая леди, извоянием застывшая на скамейке в углу комнаты, смотрела на него с такой отчаянной надеждой, что Тычку стало неловко.

— Спасибо вам, — невнятно пробурчал он, так как от каждого слова в черепе будто кто дул на раскаленную головню.

— Вам лучше?

Тычок аккуратно мотнул головой:

— Все плывет.

Девушка встала:

— В таком случае я навещу вас завтра. Вот ваш ужин, отдыхайте.

— Благодарю, леди. Надеюсь, завтра я смогу... соображать внятно. У вас тут... лиходеи за забором, то ли по мою душу, то ли по вашу.

Леди недобро усмехнулась:

— В самом деле? Ну пусть попробует сунуться. Добрых снов.

Девушка вышла. Тычок попробовал какую-то молочную болтушку с подноса, его снова замутило, но он сделал над собой усилие и одолел еще пяток ложек. На прочее и смотреть не стал, откинулся боком на подушку. О Творец, вот хапнул горя... от добрых дел одно расстройство. Но все же к досаде

примешивалась изрядная гордость: он помог людям, леди вон очаровал... хотя и белке понятно: ей не он нужен, а перстень. Предсказание. Сидит как на иголках, в глазах мука. Ну что же, очухаюсь — помогу, мне не жалко. А сейчас надо заснуть.

Но заснул он нескоро.

Наутро Тычку стало заметно лучше, он съел весь завтрак и наконец выслушал молодую хозяйку. Айну. Леди Айна, как он мог забыть...

У нее пропал отец, четыре года назад. Впрочем, длинные отлучки были привычным для него делом — он все что-то искал, высчитывал, раскапывал и вечно рыскал по всему миру. И не зря: из путешествий он привозил порой целое состояние. Например, этот пансион построен именно на привезенные деньги. Но последний раз он как уехал, так и не возвратился, хотя год назад написал, что вот-вот отправится в путь. Она ищет его уже полгода и визит к предсказательнице до сих пор расценивает как великую глупость, уже от полнейшего и безысходного отчаянья. Но глупость, как выясняется, счастливую. Не может ли благородный и прозорливый господин Тычок разузнать что-либо о нелегкой судьбе ее отца?

Благородный Тычок смог. А как смог, так и лишился дара речи. Там, у предсказательницы, он не посмел лезть в ее благородные дела, простолюдинами ограничился. А тут пришлось, и нате вам. Тот богатый мертвый дядька на крыльце, бывший хозяин перстня, так и не дотянувшийся до входной двери, — как раз и оказался ее отцом. Тычок скрипнул зубами, в голове проснулась вчерашняя боль.

— Он мертв, леди. Я сожалею. Еще третьего дня он был жив. Его похоронят сегодня на хуторе, отсюда... не очень далеко.

Конечно, леди Айна прослезилась. Впрочем, плакала недолго — видимо, и сама чувствовала, понимала. Отерев слезы, она решительно встала.

— Если мы поедем в карете, вы сможете перенести дорогу?

Тычок внутренне охнул. В карете он не ездил ни разу в жизни. К кому же он попал?

— Смогу.

— Или нет — расскажите, как выглядит тот хутор.

— Я бы предпочел ехать с вами. У меня еще есть что сказать... я скажу по дороге.

Леди Айна пристально и беспокойно посмотрела на Тычка, ее скулы обозначились резче и будто окаменели.

— Хорошо, — проговорила она. — Выезжаем через полчаса, одежду вам принесут.

— Не забудьте про охрану.

Она снова настороженно заглянула ему в глаза и вышла.

Вскоре Тычка проводили в другую комнату, и он увидел свою новую одежду. Бесподобную, богатую. Роскошную. Никогда он такой не носил и испытывал сейчас полнейшую неловкость. Ну да, не будет же госпожа ехать в карете с оборванцем. О Творец, дай силы. Ехать он собирался со всей определенностью и, буде его сейчас выставят за дверь, побежит на своих двоих как миленький. В том доме, на крыльце которого три дня назад лежал покойник, жила — или работала — та самая рыжая бестия. Девка без имени, со странной смесью жизни и отчаянья в глазах. В последнем видении именно она омывала и готовила труп к погребению.

Тычок оделся и почувствовал, что перстень тоже стал другим. Подняв руку, бывший бродяга долго смотрел на свои пальцы со странным выражением лица. Перстень снова стал золотым с зеленым переливчатым камнем. Все возвращается на круги своя, и цену за то порой приходится платить немалую.

Выйдя к карете, Тычок уважительно глянул на двух жилистых лучников на запятках, после чего взобрался и сел, куда ему было велено. Напротив села леди Айна, переодетая в платье куда менее роскошное, чем у ее попутчика. Тычок ощутил себя попугаем, сидящим на одной ветке с орлицей. Эта мысль уязвила его, но он не подал виду. Экипаж тронулся.

Удовлетворенно окинув попутчика оценивающим взглядом, девушка вдруг застыла. Удовлетворение на ее лице сменилось пониманием.

— Ах вот оно что, — обронила она чуть слышно. — Я могла бы догадаться.

Она задумчиво дотронулась до своей открытой шеи и, помедлив, скользнула рукой дальше, за волосы. Потянула на свет божий, а затем и отстегнула золотую цепочку с кулоном — зеленым переливчатым камешком, как показалось, вплавленным в золото, покачала в кулаке и поднесла к Тычкову затылку.

Боль и дурнота прошли как не бывало. Тычок застывшим извоянием следил за ее руками.

— Благодарю вас, леди Айна, — хрипло выдавил он.

В голове царил сумбур. Тем не менее он машинально принялся разматывать повязку, отдирая прилипшую дрянь. Леди перевела туманный взгляд на окно, хотя, как показалось Тычку, в упор не видела ни окна, ни проносящегося за ним пейзажа.

— Мой отец всю жизнь гонялся за магическими драгоценностями, — тяжело проговорила Айна, ее глаза блестели. — Еще есть браслет, серьги и брошь. Отец верил... нет, знал — вычитал где-то, что, если все пять... предметов собрать в одни руки, магия в нашем мире возродится. Но колдуны прошлого настолько погрязли в своих гибельных склоках, что я и не знаю, к добру ли это...

Тычок покончил с повязкой и глянул в окно. Наверное, и ему нужно сказать все до конца.

— Вашего отца убили, леди Айна. Не только ему, видать, было ведомо то, что вы сказали. Перстень я нашел на дороге — должно быть, ваш отец предпочел его выкинуть, нежели отдавать в руки убийц. — Тычок сжал кулак. — А тот давешний косяк скачет за нами. Только мне что-то не хочется смотреть, чем дело кончится.

— Если он далеко, то мы сойдем, а карету отправим дальше.

— Если это одна шайка, то скоро на тракте, в том месте, у хутора, будут устраивать засады, — кисло скривился Тычок. — Мне кажется, я должен отдать перстень вам. Наверняка вам отец его и вез.

— Буду безмерно признательна, — кивнула леди Айна. — У нас в пансионе вы всегда найдете еду и кров.

Тычок стянул перстень и протянул его девушке. Та надела его на палец и некоторое время молчала — от нахлынувших чувств у нее снова заблестели глаза. А Тычок без удивления смотрел, как перстень уменьшается, становясь изящным и миниатюрным.

— Вы только для этого поехали со мной?

— Нет. В том доме, куда мы едем, обитает моя... знакомая.

— Понятно.

Снаружи послышались крики, возня и возглас: «Гони!». Экипаж помчался во весь опор. Позади тренькали тетивы и доносились обрывки ругани, уносимые ветром и глохнувшие в топоте копыт. Леди Айна сидела ни жива ни мертва. Тычок лишь досадливо хмурился. На все воля Творца, ее предупреждали об охране.

Потом все стихло, кони опять сбавили ход.

— Оторвались, — выдохнула леди Айна.

Тычок ничего на это не ответил, потому что каким-то потусторонним духом чуял, что запятки пустые. Не было больше с ними лучников, а кто из них жив или мертв, он теперь узнать не мог. Но судя по тому, как сникла его попутчица, сжавшая маленькие кулачки, надеяться на благоприятный исход не стоило.

Доехали быстро. Выйдя из кареты, леди Айна пошла к строениям, а ее попутчик безмолвно смотрел на окровавленные пустые запятки. Вряд ли лучники были менее значимы для Творца, нежели он. Однако он жив, а они...

Тычок присел на чурбак, стоявший прямо у дороги. Видимо, хозяева нередко сживали тут, продавая снедь с огорода, а может, просто выставили чурбаки для прохожих путников. Тычок видел, как леди Айна вошла в первый дом, затем вышла и направилась к третьему, предпоследнему большому строению. А из первого дома вышла рыжая. Заметив, как на нее смотрит богато одетый франт, она подошла к Тычку и поклонилась. Видно было, что она его совершенно не узнала, да и не мудрено.

— Господину что-нибудь нужно?

— Да, — кивнул Тычок, и рыжая чуть изменилась в лице. — Как тебя зовут?

Она всматривалась в него какое-то время и затем улыбнулась:

— Лиза, господин.

«Господин» прозвучало так лукаво, что Тычок тоже смущенно улыбнулся.

— Вот и познакомились, — буркнул он. — Не обращай внимания на эти тряпки, они не мои.

— А выглядишь просто великолепно.

Теперь Тычок хорошо ее рассмотрел. Лиза оказалась не так молода и не так весела, как ему представилось при первой встрече. Что же, это притягивало к ней еще сильнее.

— Ты все еще хочешь, чтоб я тебя позвал к себе?

Лиза больше не улыбалась. Потом и вовсе потупилась. Волосы вильнули рыжей волной и замерли.

— Смотря зачем, Тычок. Если у тебя грандиозные планы, так у меня трое детей и куча престарелых родственников.

— А для меня угол найдется?

— Для тебя, — Лиза подняла голову и лукаво прищурилась, — могу поискать. А где колечко?

— Колечко тоже не мое. Творец дает, Творец и забирает.

Из дома стали выносить гроб. Лиза обернулась.

— И с людьми так же, — слышалось от нее. — Хоть ты богат, хоть нищ.

Тычок не ответил. Он и так об этом никогда не забывал.

Потом были похороны, потом укатила леди Айна, потом наступил вечер. Тычок познакомился с родственниками, жившими в соседних домах, разговорился, сел за общий стол. Вскоре стемнело, родственники разошлись по домам, а Тычок, понаблюдав, как Лиза укладывает детей, вышел на двор проветриться.

Грубая мосластая рука схватила его за ворот и стянула с крыльца. Нос к носу в него всматривался Тако. Половина рожи его бурела разводами засохшей крови, одна рука безжизненно висела плетью.